

18+

Агата Колобанова

Ольсея городского чуда.

История II.

Нашествие ангела

Агата Колобанова
Одиссея городского чуда.
История II. Нашествие ангела

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65318346
ISBN 9785005380593*

Аннотация

У Стаса есть тайна. Настолько удивительная, что люди в нее не поверят даже если он сам все расскажет. Он понимает речь зверей и может говорить с ними. Прямо в городе. на виду у всех, он живет в своем параллельном мире, полном неведомых людям трагедий и радостей. Живет... и молчит о о своей тайне. Так и жил, одинокий, скрытный, не понимаемый людьми, пока однажды, сентябрьским вечером, не остановился на дороге, чтобы помочь незнакомой девушке. Кто ж знал, к чему может привести эта встреча...

Содержание

Часть 1. Девушка в свитере	5
Часть 2. Две полоски	9
Часть 3. Голос в лесу	13
Часть 4. Рюкзак	18
Часть 5. Неправильная ангелица	23
Часть 6. Добрый дурак	28
Часть 7. Отказ не принимается	32
Часть 8. Тревожные новости	38
Часть 9. Ночные разговоры	43
Часть 10. Серокрылые агенты	49
Часть 11. Он рядом!	54
Часть 12. По следу	58
Часть 13. Смерть убийце	62
Часть 14. Горячий чай	66
Часть 15. А говорил «не твоя женщина»	72
Часть 16. Никто не поверит	77
Часть 17. Птица уходит из клетки	81
Часть 18. Человек, плохой, с кусачками	86
Часть 19. Виктор делает свой ход	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Одиссея городского чуда. История II. Нашествие ангела Агата Колобанова

© Агата Колобанова, 2021

ISBN 978-5-0053-8059-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Девушка в свитере

Она сидела прямо на дороге, в нелепом светлом свитере. Ночью. Если бы не свитер, отсвечивающий в свете фар, была бы незаметна со своими длинными черными волосами.

Женщина. Сидит. На проезжей части.

Может быть, конечно, пьяная или что похлеще. А может быть и нет...

Все прочитанные истории про нападения на добрых водителей, остановившихся помочь попавшей в беду женщине, разом всплыли в памяти.

Но все же... все же...

Все же я дурак. Временами – дурак добрый. Поэтому остановился. Выглянул в окно.

Рядом с ней, бесформенной черной кляксой, темнел на асфальте силуэт. То ли раскиданные вещи, то ли чье-то тело.

«Помощь нужна?» – спросил я, выглядывая из окна.

«Да. Помогите, пожалуйста!» – развернулась она ко мне, не вставая. – «Собаку машина сбила. Собака еще живая. Надо к ветеринару. А никто не останавливается».

Вот так все просто. А я-то себе навывдумывал.

Вышел из машины. Подошел поближе.

Ну да. Пес. Здоровенный черный кобелюка сложносочиненного происхождения.

«Ты как?» – уточнил я у него.

Глухая, как и все люди, она не услышит ни мой вопрос, ни его ответ. Можно не скрываться...

С трудом, он скосил в мою сторону глаз.

«Плохо мне. Плохо. Пить хочу. А не могу...» – невнятно, низким, утробным голосом ответил он.

«Почему не можешь? воды нет?» – спросил я с надеждой, что моя страшная догадка неверна.

«Не глотается вода...»

Речь его «плыла». Так говорит человек после инсульта. Частично парализованный человек...

Он был слишком слаб, чтобы нападать. Слаб и достаточно вменяем. И все же – смертельно опасен для доброй девушки, которая пыталась его спасти.

Тощий, даже через кудлатую густую шерсть видно, насколько же тощий. Позвонки на спине – как гребень у дракона.

Обезвоженный.

А вокруг головы – лужица слюны. Слюны, которую пес не может проглотить.

«Девушка... эммм... Пес вас кусал? Лизал?»

«Не кусал. Лизал руки. А почему вы спрашиваете?»

«Сейчас я везу к ветеринару вас обоих. И если я прав, то после ветеринара лично вас быстро везу к врачу. У пса признаки бешенства».

Она уставилась на меня со злостью.

«Не хочешь помогать – не помогай. Умны нашелся, экс-

трасенс глаз-рентген!»

«Собаку везу к ветеринару. Есть возражения?» – с нажимом уточнил я.

«Нет...» – сбавила она тон.

«Тогда помогите погрузить и сопроводайте!»

Она не спорила. Помогла расстелить на заднем сидении мешок для мусора. Устроилась рядом с псом, которого я положил поверх мешка. Положила его голову себе на колени.

Добрая девушка. Добрая. И глупая.

«Анюта, вроде у тебя сегодня ночное дежурство? Везу к тебе пса. Задние лапы парализованы. Предположительно сбит машиной. Обезвожен. Из пасти течет слюна. Не агрессивный».

Ну вот, девочка-дурочка. Не веришь мне, согласишься ветеринару. Сегодня я спасаю не пса – он обречен и спасти его можно только от ненужных мучений. Я тебя сегодня спасаю.

Часть 2. Две полоски

Пронзительная, еще почти летняя, сентябрьская ночь совсем-совсем не подходила для таких печальных событий.

Но смерть никогда не оглядывается на погоду.

Пес говорил с трудом, невнятно. Слушать и понимать его было непросто.

«Лиса. Пришла лиса. Плохая. Звала играть. Лисы не играют с нами. А эта звала. Я пошел. А она напала».

Бешеная лиса. Неадекватная. С перепадами настроения от восторженного дружелюбия до вспышек агрессии.

Лиса, скорее всего, уже отмучилась. Но сколько успела покусать собак? Кого еще покусала? Кто полакомился ее останками?

Плохо. Эпидемию бешенства в окрестностях Кудиново не объявляли, я знаю точно. А она есть. И первый разносчик появился там не меньше десяти дней назад.

«Почему... вы сказали что он бешеный? Он же ласковый, просто ему плохо», – неожиданно подала голос девушка.

«Они не всегда агрессивные. Могут быть, наоборот, ласковыми. Поведение – не главный признак. Пес не может глотать, слюна течет наружу. При этом, когда пытается скулить, голос низкий и плывущий. Это признаки паралича гортани. А вот паралич гортани встречается при бешенстве».

«Только при бешенстве?»

«Не только. Точнее скажет ветеринар».

Она мне еще не верила. Но все-таки... все-таки начала сомневаться. А сомнения – начало осознания.

Что ж, уже хорошо.

«У меня денег полторы тысячи всего есть. Не уверена что этого хватит...»

Ну да. Деньги... И на что она собиралась лечить сбитого машиной пса? Или... за чей счет?

«Давайте сначала доедем и покажем пса ветеринару».

Затихла.

Так, в молчании, мы пропетляли по ночным улицам и припарковались, наконец, возле самого обычного дома. С самым обычным цокольным этажом, поделенным на самые обычные офисы и магазинчики.

«Приехали».

Анюта нас ждала. Не одна, с ассистенткой Катей, тоже моей давней знакомой. Обе встревоженные.

Девушка в свитере придержала дверь я внес пса.

«Все готово для теста. Давай его на стол», – быстро распорядилась Анюта, выдавая мне аппликатор и намордник.

Пес не сопротивлялся. Не спорил. Молчал, устало прикрыв глаза.

На пять минут мир вокруг нас застыл. На пять бесконечно долгих минут, во время которых мы могли только ждать.

Анюта показала тест. Такой будничным, похожий на всем известный «тестик». И тоже с двумя полосками.

«Это... тест на бешенство?» – уточнила девушка в свитере.

«Да», – ответила Аня.

«А две полоски что значат?»

Так звучит голос человека, который уже все понял, но надеется, что сейчас его разубедят.

«Результат положительный. Пес болен».

Аня занялась псом. Его жизнь спасти уже нельзя, а вот избавиться от ненужных мучений можно и нужно.

Катя звонила в единую службу, выясняла, где примут двоих людей после контакта с бешеной собакой.

Девушка в нелепом, безобразно грязном свитере непонятного теперь уже цвета тихо, сдерживая всхлипывания, рыдала в мое плечо. Наверное, правильно, что в мое – остальные заняты.

А ведь это только начало, самое начало наших мытарств.

Часть 3. Голос в лесу

Считается, что тот, кто спасет девушку, тут же проникается к ней глубокими и трепетными чувствами и, если повезет, живет с нею долго и счастливо.

В жизни все не так.

Я подвез измученную Лиду, так звали девушку в свитере, до дома, из вежливости обменялся с нею телефонами (мало ли что) и благополучно забыл о ее существовании.

Надолго забыл. На целую неделю.

Звонок настиг меня в дороге.

Какая-то «Лида». Кто такая? Вспомнить сразу не удалось.

«Спасите меня. Я на дереве. А вы кинолог!» – пропищал в трубку полный ужаса девичий голос.

«В смысле – на дереве?» – удивленно переспросил я.

«Они напали. Я успела забраться. Теперь они внизу, рычат и лают».

«Они, это собаки?»

«Да, стая, голов восемь».

«Где вы находитесь?»

«Возле Кудиново, в лесополосе. Кругом деревья, людей нет! Я тут...»

Связь прервалась внезапно. Я подождал, когда Лида перезвонит. Не перезвонила. Позвонил сам. «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Дома свининка, маринуется со вчера со специями, чтобы стать вкуснейшей поджаркой мне на ужин... Картооошечка...

А там, в лесополосе, собаки загнали на дерево эту самую полужнакомую мне Лиду, и теперь неясно, надо ее еще спасать, не надо, и есть ли еще кого спасать...

И эпидемия бешенства в районе...

Вряд ли, конечно, бешеные псы соберутся в стаю. Обычно от больного, как только он становится странным, остальные разбегаются кто куда.

Но...

Но все-таки дурак я. Добрый дурак.

Закинув сумки домой и прихватив рюкзак с гостинцами, я вывел из гаража машину.

Прощай, уютный сытный ужин в компании кошки Чуки...

Горьковское шоссе было загружено, альтернатива – Носовихинское шоссе – и вовсе сияло на навигаторе праздничным кумачом. Добирался долго, больше двух часов.

Кудиново. Улица Центральная. Лесополоса рядом с конюшной.

Надеюсь я в правильной лесополосе.

Надеюсь, я не проблуждаю всю ночь, чтобы к утру прозвониться и выяснить, что моя спасаемая уже давно дома десятый сон видит.

Или, хуже того, не наткнушь на изуродованное тело...

Лес полон жизни. Всегда полон. Она шныряет под ногами,

выглядывает из кустов, скачет по деревьям и перепархивает между ветками.

Вот та самая жизнь, которая перепархивает, мне и нужна.

Вытащив из рюкзака сардельку, я демонстративно откусил небольшой кусочек.

«Мммммм! Сардееееелечкааааа... вкусная-то какаяяяяя! Ааааа, пахнет-то каааак!»

«Говорящий человек! Человек говорящий! Жуть-кошмар-караул!» – завопила над головой заполошная белка, удирая в зеленую древесную даль.

«Сарделечка мояяяяя! Мояяяяя вкуссссссссняшшшшшшшка!»

На ветках вокруг уже собралась озадаченная компания – три белки, сойка, две сороки и гаичка.

«Правда говорит. И сардельку жрет!» – сойка, птица наглая, выразила общее мнение.

«Вкусную сардельку!» – поправил я ее.

«Дай! Дай мне!» – оживилась сорока.

«Может дам. Если поможешь...»

Это всегда срabатывает. Человек, говорящий на понятном языке зверей и птиц пугает. А человек говорящий, который может дать лакомство, их не пугает. Совсем. Магия!

Ставшие очень сговорчивыми и услужливыми сороки подтвердили, что в лесу и впрямь поселилась целая стая собак, которая оккупировала овраг и защищает его от чужаков.

Отвести согласились. Искушение сарделькой творит чуде-

са.

Усталый, голодный, страстно жаждущий сам сожрать эту злополучную сардельку, я брел по полутемному вечернему лесу и спрашивал себя, почему я, дурак такой, не догадался взять побольше сарделек и потреть их в машине, пока еду.

Отдаленный голос не сразу привлек мое внимание. Возможно, потому, что я не ожидал услышать то, что услышу.

В сумрачном осеннем вечернем лесу девичий голос сиротливо, жалобно, время от времени фальшивя, выводил знакомую песню из старого хорошего фильма.

«Невесте графа де ла Фэр всего шестнадцать лет...»

И голос этот был очень, очень знакомый. Именно ради этого самого голоса я и разгуливаю здесь с сороками и сарделькой.

Часть 4. Рюкзак

Они заметили меня первые. Не удивительно, это зрение у человека лучше, чем у собаки, все остальное – хуже.

Я ждал рыка, угроз, слаженно защищающей свои владения стаи.

Собрался, готовый показать стае, кто тут самый главный и сильный.

«Сардельки? У тебя есть сардельки? Дай, дай!»

Взрослая пара – кобель и сука. Трое недопесков явно их дети. Еще два разномастных юных «привета от дачника», каким-то чудом прибившихся к этому семейству. И небольшой престарелый лохматый седоусый пес, отдаленно похожий на терьера.

Стая окружила меня, стая галдела и подпрыгивала со всех сторон, истекая слюной от предвкушения угощения. Но нападать, пугать, прогонять или угрожать не пыталась. Вполне обычные собаки-попрошайки.

«Лида, вы здесь?» – спросил я достаточно громко, чтобы перекрыть собачий лай.

«Да, я тут, спасите меня!» – отозвался слегка охрипший, но знакомый голос.

Собаки не пытались меня задержать, когда я пошел на голос. Продолжали вертеться вокруг, безостановочно галдя про сардельки.

«Потом, потом, подождите!»

Ошарашенно повизгивая, стоя отбежала на метр-полтора.

«Сардельку дать могу... может быть...»

Уставились уже с интересом.

«Говорящий мужик... Говорящий... Говорящий мужик с сардельками! Дай-дай-дай-дай-ДАЙ!»

Горластая компания вертелась вокруг меня небольшим мохнатым водоворотом, и каждый в этой компании пытался меня убедить, что лично ему надо больше всех остальных вместе взятых.

«Мамочки!» – раздалось над головой.

Лида, на этот раз в джинсах, но все в том же ужасном свитере, сидела на дереве и с ужасом смотрела на вопящую вокруг меня стаю.

Со стороны, наверное, эффектно: истошно лающие, иногда рычащие (друг на друга), истекающие слюной собаки плотным кольцом окружили человека и передвигаются вместе с ним.

«Вы в порядке? Не покусали вас?» – уточнил я. Мой голос потонул в истошном собачьем гомоне.

«А ну, тихо!»

Собаки затихли, опасно отбежали, но далеко не ушли. Магия сарделек не давала страху взять над ними власть.

«Ой...» – выдохнула Лида.

Ну да, это я зря. С точки зрения девушки я сейчас сделал нечто невероятное. Рывкнул как здоровенный кобель и унял

всю стаю, совсем-совсем незнакомую стаю.

Остается только сделать вид, что все так и должно быть.

«Вы в порядке? Не покусали вас?»

«Нет, только джинсы потрепали и рюкзак отобрали, он где-то внизу. А я цела».

Уже хорошо.

«Плохая. Она плохая. Не говори с ней, она плохая!» – проворчал старый недотерьер.

«Почему плохая?»

«Пришла, приманила вкусным, делала больно!» – пожаловался один из недопесков.

«И мне тоже!» – поддержал еще один.

Таааак! Я-то уже решил, что эту девицу просто напугала и, возможно, несколько пощипала, выклянчивая еду, горла-нящая стая. А оказывается, не так все просто.

«Где сумка?» – спросил я терьера.

«В кустах. Но вкусного там больше нет, мы все забрали», – охотно ответил седоусый.

Рюкзак собаки показали мне сами. Как и предупреждал терьер, ничего вкусного в нем не оказалось. Да и вообще ничего не оказалось. Вещи, которые раньше находились в рюкзаке, валялись вокруг.

Складная ветровка – отличная штука, у меня тоже такая есть. Початый рулон туалетной бумаги, раскисший на мокрой земле до состояния медузы. Деревянная расческа, еще какая-то мелочевка.

Коробка. Точнее, картонная коробочка.

«Нобивак».

Части ампул не хватает.

Вскрытая коробка с одноразовыми шприцами.

Шприцы... коробка с ампулами...

«Вы что тут пытались делать?» – спросил я девицу на дереве, и собаки, почуявшие злость в моем голосе, поддержали меня дружным рыком.

Часть 5. Неправильная ангелица

Интересно, указано ли в побочных эффектах прививки от бешенства слабоумие? Если нет, надо указать. Потому что вот она – привитая и при этом слабоумная – на дереве сидит и глазами хлопает. Не понимает, почему коробка с вакциной меня разозлила.

«А что не так-то?» – почти обиженно спросила Лида. А, может, и не почти...

«Вы состояние здоровья собак проверяли перед прививкой? Суку на щенность? Глистов прогнали им?»

«Эээээ... нет...»

«А зря. Инструкцию читать надо прежде чем лекарства применять направо-налево. Собакам ваши подвиги могут дорого обойтись».

Она уставилась на мне зло, явно подбирая контраргументы.

«Короче, слезайте с дерева. Собакам я тронуть вас не позволю. У меня машина недалеко, отвезу вас домой».

«Точно не тронут?»

«Сейчас все улажу и не тронут» – обещал я, доставая пакет с треклятушими сардельками.

Одуряющий запах заставил сглотнуть слюну и собак, и меня... и девицу на дереве...

«Я вам дам сардельки. И заберу женщину. И ее вещи», –

озвучил я предложение.

Собаки были согласны. Сейчас, когда сардельки манили и запахом, и видом, они на все на свете были согласны.

Я раздал каждому по половине сардельки. Осталась еще одна – на всякий случай. Если «всякий случай» не настигнет, сам съем.

Помог промерзшей, несчастной и усталой Лиде слезть с дерева и вместе с ней отправился собирать ее разбросанные вещи.

Она молчала, мрачно насупившись. Молчала, пока мы закидывали в грязный и, как оказалось, порванный рюкзак не менее грязное и частично попорченное собаками Лидино имущество. Пока упаковывали рюкзак в старый пакет из супермаркета, который хранился «на всякий случай» в отдельном кармашке того же рюкзака.

Молчала, надевая куртку.

Молчала, когда мы двинулись прочь от собачьего оврага к дороге, ограничивающей лесополосу.

Я уже надеялся, что смогу спасти эту... спасательницу собачью... без эксцессов. Но тут она заговорила.

«А что мне было делать-то? Что? Как им еще помочь? Они же все заразятся и перемерут!»

Из кустов подтянулись заинтересованные собаки – люди сейчас будут лаяться, надо поглазеть! Тем более, что сардельки у собак уже кончились, а у меня одна осталась...

«По правилам собак должен забрать отлов, отправить

в карантин, обследовать, проглистогонить и привить», – честно ответил я.

«Так вот уже неделю как не забирают! На конюшне объявили об эпидемии прямо на следующий день после того, как мы Черныша нашли. Про стаю знаю все. А они до сих пор здесь. И так их и бросят на смерть!»

«На конюшне?» – озадаченно уточнил я.

«Да. Тут конюшня рядом, я туда езжу. Но я же не об этом! Неделю все знают что эпидемия бешенства пришла! А собаки все еще здесь. Вот я и решила им за свой счет прививки сделать, чтобы они не заразились и не погибли. Вы говорите, я неправа. Я дура и вред собакам причинила. А как надо-то, умный вы наш? Научите, я так и сделаю!»

«По хорошему, собак надо куда-то забрать. Даже если они здоровы и готовы к прививкам, за ними потом две недели надо присматривать. Для этого привитых отправляют в карантин».

Мы, наконец, вышли к тропинке, ведущей к дороге. Скоро, скоро дойдем до машины.

И потом мне с этой... спорщицей пламенной... в машине трястись битый час пока до метро ее не довезу...

«Хорошо, я могу забрать их к себе на дачу. Всех. У меня участок девять соток и забор хороший. Поместятся и разбегаться не будут!» – выпалила Лида, приняв решение.

«А дальше что?»

«А дальше я буду ездить сюда с работы, и на работу отсю-

да. Я так летом живу, пока тепло. И буду собак утром и вечером кормить. А вы поможете мне им всем прививки сделать и научите как себя вести чтобы они меня не сожрали...»

Ну хоть понимает, что могут... понимает... и все равно спастись рвется.

«И как вы собрались стаю на дачу к себе доставлять?» – уточнил я, щелкая брелком.

«А вот так!» – полоумная девица подбежала к моей машине, открыла свежеразблокированную дверцу и скомандовала: «Собаки, домой!»

«Домой? Что такое – домой?»

«Она сказала „Домой?“ У нас снова будет дом?»

«Что она сказала? Ты понимаешь людей?»

«Что это за штука? Я не хочу в эту штуку!»

«Домой, домой! Домой к говорящему мужику с сардельками!»

«У нас будет дом, урааа!»

«За мной!» – седоусый старый недотерьер первым заскочил в машину, увлекая за собой всю стаю.

Я стоял дурак-дураком, с одинокой сарделькой в рюкзаке, а в это время восторженно галдящая лавина бродячих собак заполняла мою машину.

«И теперь – везите!» – прошипела Лида, ухмыляясь жутенькой асимметричной улыбкой.

Как бишь у нее была фамилия? Ангелицкая, кажется? Это какая-то неправильная ангелица!

Часть 6. Добрый дурак

До дачи, которая была расположена «тут, недалеко», оказалось больше восьми километров по буеракам и лужам. А на подъезде к товариществу ждал «прекрасный» сюрприз: электронные ворота, которые открывались телефонным звонком. А телефон-то у горе-ангелицы разрядился... У меня, конечно, лежал в «бардачке» заряженный Power Bank. Только вот вспомнила Лида о том, что для открытия ворот нужен работающий телефон, перед теми самыми воротами.

Я сидел, голодный, не евший с двух часов дня, ночью, в машине, наполненной перевозбужденными собаками, покусанный блохами, и медленно мутировал в женоненавистника. Сидел и ждал, пока, наконец, треклятуший смартфон зарядится достаточно, чтобы сделать один-единственный звонок.

Загонять машину на участок я не стал. Поставил у калитки и вывел собак.

Стая жалась друг к дружке. Все-таки больше половины – молодняк, на новом месте им было страшно. Так что достаточно было вести за собой троих старших, щенки последовали за ними.

Вот сейчас обустрою их, объясню не-знаю-уже-какой раз, что вот-эту-вот женщину кусать и пугать нельзя. Напом-

ню Лиде, что прежде, чем вакцинировать собак, она должна получить подробный инструктаж у ветеринара, а лучше и вовсе вызвать ветеринара для вакцинации сюда. И – домооой! Куууушать. И спать.

А потом забыть ангелицу эту с ее спасательными инициативами как страшный сон.

Участок оказался бедненьким. Старенький домик, явно построенный еще в советские времена. Забор из сетки рабицы. Какие-то непонятные, смутно видные в темноте навесы.

Теперь надо обойти по периметру новую территорию, объяснить собакам, где кончаются границы участка...

«Давайте сюда сардельку, я из нее кашу собакам сварю!» – потребовала Лида.

«Из одной сардельки восьмерым псам?!»

«Ну, у меня еще гречка есть... и немного геркулеса... и молоко сухое...»

Я вдохнул. Медленно, чтобы не заорать. Потому, что если заору, меня тут же поддержат собаки.

«Вы притащили сюда стаю хищников в восемь голов и хотите кормить их кашкой на сухом молоке?»

«Ну а что я еще могу сделать? Магазины-то уже закрыты. На часы посмотрите!»

Вдох. Выдох.

«В машину! Сейчас посмотрю где ближайший круглосточный и закупимся нормальной собачьей едой!»

Вот так вот. Снова не домой. Хорошо, конечно, что со-

баки из салона выгрузились и теперь осваивают Лидин участок. Но блохи, судя по ощущениям, остались.

«Денег у вас сколько на закупки?»

«Ээээ... рублей пятьсот... на дорогу брала...» – захлопала ресницами ангелица.

Что можно купить на пятьсот рублей, чтобы накормить свору из восьми собак?

Что можно купить, если у тебя дома есть крупа?

В принципе, достаточно. На пару куриных тушек и еще пакет другой крупы хватит. И каша будет ядреная, на курятине. То, что надо.

А потом... потом...

«Вы тогда когда в следующий раз приедете?» – прервала мои раздумья Лида.

«Что?»

Не собираюсь я больше приезжать!

«Ну, я одна не справлюсь. Собак надо всех осмотреть, вы сами сказали – проглистогонить. Привить. Меня они не слушаются. Мне ваша помощь нужна».

«Это вы взялись спасать собак. Так сами и спасайте. За свой счет!»

«Ну я же не денег прошу! Мне делом помощь нужна, а не деньгами!»

«Я вам и помогаю. Делом. Больше, чем мог бы. Я давно не ел, устал после рабочего дня. Но вместо того, чтобы поужинать и спать, ношусь тут по всей округе, спасая одну де-

вицу и целую стаю собак!»

«За это спасибо. Но мне... и собакам... нам все равно нужна ваша помощь!»

«Нет и точка. Или высаживаю из машины и сами как хотите добирайтесь до магазина и обратно».

Остаток поездки прошел в мрачном молчании. Ангелица дулась. Я не желал слушать ее уговоров.

Высадил у калитки и отправился домой.

Вот черт меня дернул тогда остановиться на дороге ради незнакомой женщины.

Дурак я все-таки. Добрый дурак. За что и страдаю.

Часть 7. Отказ не принимается

Некий негодяй разбудил меня звонком в шесть утра. И, кажется, прозванивался этот негодяй давно. По крайней мере, конец сна был как-то подозрительно наполнен трезвоном разных неуместных предметов.

«Слушаю...» – выдавило в трубку сонное подобие меня.

«Помогите, они не выпускают меня из дома!» – пропищал негодяй в трубку сонным девичьим голосом.

«Кто не выпускает?» – не понял я спросонья.

«Собаки!»

«Какие?»

«Те же что и вчера!»

Мозг упорно отказывался просыпаться и думать. Негодяй с девичьим голосом не желал ничего толком объяснять.

«Дайте телефон собакам. Я все улажу».

В трубке раздалось истошное многоголосое «Дай-дай-дай-мне-жрать-кушать-еда-дай!»

Кажется кто-то включил громкую связь.

«Чего орем?» – гаркнул я в трубку.

«Что? Где? Говорящий мужик! Это он! Говорящий мужик!» – загомонили собаки.

Так...

Кажется я прямо сейчас делаю что-то очень-очень странное...

«Кушать хотим. Она пришла. С едой. Открыла дверь, а потом закрыла. И еду не дает», – объяснил, наконец, голос седоусого недотерьяра.

Тааак.

Лида вышла из дома с кашей. Собаки бросились к ней с лаем, требуя каждый себе побольше-побыстрее. Лида испугалась и заперлась в доме. Теперь звонит мне. А я прямо при ней по телефону с собаками препираюсь...

«Вы много орете. Отойдите и ждите когда еду положит и уйдет. Тогда ешьте. А то не будет кормить. Спрячется и не выйдет».

Гомон в трубке отдалился.

«Не знаю, что вы сделали, но они отошли к теплице и теперь лают оттуда. Можно выходить?» – спросил голос Лиды.

«Да, оставьте им еду и отходите. Они голодные, потому и орут. Нападать не будут. Только кормите подальше от крыльца и калитки, а то пока едят выйти не сможете», – подтвердил я.

«Спасибо», – она ушла со связи.

«Кто это был?» – уточнила, забираясь мне на колени, любопытная Чука.

«Да так... одна женщина...» – неохотно ответил я.

«Женщина? Женщины которой от тебя пахло вчера? У тебя появилась женщина?» – оживилась Чука.

«О, у Стаса женщина. Давно пора!» – одобрительно поддержал ее Хавчик.

Весь мой паноптикум резко активизировался.

Обожженная слепая кошка Чука. Ястреб-перепелятник без одной лапы. Ворон со сломанным крылом. Черепаха-красноушка без куска панциря.

Все четверо пришли в бурное возбуждение от предположения Чуки.

«Тихо вы! Она не моя женщина. Я проснулся и иду есть. Кто будет спорить, не дам еды».

Не очень честно. Но сработало.

«Да-да, мы все поняли», – пробурчала Чука, и остальные с нею молча согласились.

Так-то лучше. Не хватало еще, чтобы эту... ангелицу неправильную... моей женщиной назначили!

Моя женщина, она должна быть другая. Она должна не задавать вопросов, все понимать сама без объяснений и вести себя так, словно ничего странного вокруг нее не происходит. Иначе ужиться будет невозможно. Проверял.

День, который начинается в ранней пробудки, проходит как-то коряво. Этот не был исключением. Мысли путались, все валилось из рук. Кофе в промышленных количествах не помогал. Совсем. То есть, минут двадцать он действовал. А потом я снова превращался в злобную сонную тушку.

Домой. Побыстрее закончить дела, и домой. Проглотить ужин и спааааать, спааааать...

Звонок настиг меня у подъезда.

Только бы не ангелица!

А, нет. Анюта. Значит, все нормально.

«Ты уже закончил с делами?» – деловито уточнила зверская врачевательница.

«Ага, почти дошел домой».

«Собирайся и выезжай за мной. Ужин с меня, съедим в машине».

Что за...

«Анюта, в чем дело? Куда и зачем тебя надо везти?»

«К Ангелицкой Лидии на дачу. Ну, к той, которая бешеного пса нашла. У нее там стая подобратышей. Восемь голов. Всех надо осмотреть и решить вопрос с прививками. А она с ними не справляется. Сказала, ты эту стаю сам к ней привез. Вот и обеспечи лояльность и хорошее поведение пациентов!»

Опяяаять! Опять эта ангелица до меня добралась! Теперь через Анюту!

«Анют, она сама хочет их спасать. За свой счет по ее словам. Не втягивайте меня в это!» – взмолился я.

«Слушай, ты, кинолог-по-телефону-болтолог! Если верить Ангелицкой, ты их утром по телефону унять умудрился! Так соизволь доделать дело до конца. Без тебя собаки пропадут, она с ними не справится и все кончится плохо и для нее и для стаи. Жду тебя. У меня сосиски, венские. Ангелицкая обещала забацать для нас с тобою плов. Так что пошевеливайся, отказ не принимается! И запомни: ты делаешь это не для Ангелицкой. Не для меня. А для собак!»

Да уж...

Анюта права.

Не справится без меня ангелица. Она уже утром не справилась. Если я не влезу в это дело, просто будет названивать каждый раз, как что-то не получается.

Кажется, влип я с этой Лидой в самое что ни на есть ломовое непрофессиональное любительское волонтерство.

Часть 8. Тревожные новости

Ангелица по имени Лида встретила нас в окружении собак. Утром она их, вроде бы, боялась. А сейчас совершенно спокойно разгуливала по участку в окружении стаи.

Правда, стая сопровождала ее молча. Никто не орал.

Может, дело в том, что она их боится только когда они лают?

Я это и раньше замечал за людьми. Молчаливую собаку они считают мирной, а шумную – агрессивной.

«Привет, Говорящий Мужик. Мы молчим, как ты сказал. Мы молодцы, да?» – доложил седоусый.

Этот бодрый низкорослый старикан, как ни странно, верховодил стаей из более молодых и крупных собак.

Вот оно, «концентрированное мужество маленькой собачки».

Но, надо отдать ему должное, мое утреннее послание он донес до всей стаи, и вели собаки себя очень и очень лично.

Еще в машине мы с Анютой договорились, что сначала займемся собаками, и только потом – обещанным пловом (надеюсь, он действительно будет, и будет при этом вкусным).

Собаками мы и занялись.

Анюта и раньше вытаскивала меня на непростые случаи.

Для нее я – чудо-кинолог, который может успокоить самую буйную собаку, подманить самую затравленную и дикую и обеспечить их примерное поведение на осмотре.

А для меня Анята – ветврач, к которому я в любое время суток могу заявиться с животинкой, которой необходима помощь. В любое. И не получу отказа. Даже если припру опасную для жизни экзотику – рысь со сломанной лапой мне до сих пор иногда поминают.

Вот так и сотрудничаем уже не первый год. Да.

Поэтому я и не мог отказать Аняте там, где Лиде сказал «Нет». Договоренности нарушать нельзя.

Собак мы забирали в дом по одной и осматривали при хорошем освещении. Вели себя все хорошо, хотя вопрос «зачем штуку в попу?» поднимал каждый пациент.

Ну... я бы тоже на их месте поднял.

В остальном, работала в основном Анята. Работала сноровисто, поэтому справились быстро. помыли руки, пошли кушать плов.

Плов пах упоительно. Лида поставила перед нами огромные суповые тарелки и навалила угощения с горкой. Самое то для усталого голодного «говорящего мужика».

«Стас», – начала Лида, когда я подносил ко рту очередную ложку, – «Я хочу вас нанять!»

«Что?»

«У меня есть деньги. Тридцать шесть тысяч. Я на зуб копила. Этого хватит чтобы вы хоть немного собак социализи-

ровали? А то у меня уже хотят взять одну из молодых сук, сразу как карантин кончится, возьмут. А они все дикие».

«А кто берет, зачем? Какие условия?» – поинтересовалась Аня, пока с куда меньшим удовольствием, чем полминуты назад, пережевывал плов.

«Да тут, недалеко, в товарищества хотят. Не на цепь, у них предыдущая собака свободно по участку бегала. Они круглый год живут, им собака очень нужна».

«А с прежней что стало?»

«Отравили...»

«Что?» – спросили мы с Аней хором.

«Неделю назад кто-то отравил. Прямо через забор при- манку отравленную перекинул».

Мы переглянулись.

«Лидя, я займусь собаками. Ладно. Но вы тоже должны кое что сделать».

«Что?» – с энтузиазмом поинтересовалась она.

«Найдите всех собаководов в округе. Выясните, были ли еще отравления собак».

«Чтобы им тоже предложить наших найденышей?» – прощепетало наивное создание.

Все-таки надо уточнить на счет слабоумия после вакцина- ния...

«Чтобы выяснить, не травит ли кто-то в округе собак на- меренно. Иногда так делают особо наглые и беспринципные воры. Одна отравленная собака, это возможность обчистить

целое товарищество!» – объяснила Аня, пока я пытался найти слова, которыми можно оформить ответ цензурно.

«Моих тоже могут потравить? Стас, скажите им, чтобы не брали еду ни у кого кроме меня и вас!»

«Скажу, скажу», – честно пообещал я. – «Но они забудут о предупреждении, как только увидят приманку. Это уличные собаки, они привыкли брать все, что дают».

«Что же тогда делать?»

«Для начала выясните, были ли еще отравления собак. От этого зависит, надо за вашу стаю бояться или нет», – успокоила ангелицу Аня.

Женщины остались обсуждать что-то свое, неинтересное и женское, а я вышел на улицу.

Без лишних глаз, без ненужных вопросов, здесь и сейчас можно узнать все новости, которые мне нужны.

И если наши с Аней опасения верны, мне придется вмешаться.

Часть 9. Ночные разговоры

Днем было бы проще. Днем в округе полно ворон. Вороны – птицы умные и наблюдательные, все видят, все запоминают. И рассказчики отличные.

Только вот поздновато сейчас для ворон. Придется захватить завтра днем и поговорить с ними.

Зато вот прямо сейчас можно найти тех, кто ничуть не менее наблюдателен. И кто видит все, что происходит по ночам.

К моему удивлению, на зов довольно быстро откликнулся гулкий голос.

Неясыть.

Хорошее здесь место, раз неясыти живут с людьми бок о бок. Спокойное.

«Чего орал? Зачем звал?» – поинтересовался он, устраиваясь на ветке яблони.

«Поговорить надо», – честно ответил я.

«А мне-то зачем это надо?»

Я достал из рюкзака пакет с угощениями. Сегодня – нарезанная кусочками куриная грудка.

«Ладно. Говорим», – снизошел мой новый знакомец.

Не поворачивая головы, я покосился на кроны близрасположенных деревьев. Потом – на крыши строений.

Вот она, вторая неясыть. Подруга моего собеседника. Сидит на дровяном навесе.

Что ж. Двое собеседников лучше, чем один. Вдвое больше глаз, больше увидели и запомнили.

И рассказали.

Да, они видели. Видели, как собака болела. А потом собаки не стало. А потом появился человек и пришел в дом, где летом жили люди. А сейчас не живут.

Перелез через забор, дошел до двери и осторожно открыл ее. Ушел внутрь, вышел с сумками. Унес сумки к машине, которая стояла за воротами. А на следующую ночь пришел к другому такому же дому. И сделал то же самое.

Пока была жива собака, человек этот не приходил. А когда собаки не стало, ходил четыре раза. Каждую ночь. И каждый раз – в новый дом. А потом перестал ходить.

Потому что настали дни, когда людей много.

И когда людей снова стало мало, уже не приходил.

Значит, вот как.

Собаки не стало, и сразу четыре дома подряд некто обнес. Я так понимаю, «дни, когда людей много», это выходные. В будни вор в дома забирался, а в выходные кража была замечена. Дачный сезон сейчас еще не до конца закрыт, остались в домах не вывезенные на зиму ценные вещи. Но на неделе дачники уже предпочитают жить в городских квартирах. Самое «урожайное» время.

И, похоже, отравили собаку прямо посреди дня. Логично. Пройти и перекинуть приманку через забор – минутное дело. Днем никто не обратит внимания. Люди, в основном,

на работе или занимаются своими делами. А вот ночью сама собака шум и поднимет, когда отравитель подойдет к забору.

Плохо. Нужно серьезно поговорить с собаками. Днем мы не можем их сторожить, они сами должны о себе позаботиться. Иначе скоро Лиде некого будет пристраивать.

Подзывать стаю даже не пришлось. Они с большим интересом наблюдали за моей болтовней с совами.

«Приходит плохой человек. Кидает через забор еду. Еда неправильная. Брать нельзя», – сообщил я мохнатой компании.

«Да ладно! Не бывает такого. Еда всегда хорошая», – усомнился один из недопесков.

«Ага, ага. Как это нельзя брать еду? Тогда другие съедят!» – подхватила мохнатая братия.

Переорать это многоголосое безобразие не распугав их рыком было невозможно. Поэтому я просто дождался, когда галдеж стихнет.

«Еда плохая. Сделана назло собакам. Плохими людьми. Есть нельзя. Будет больно и плохо».

Объяснять собакам, что они могут умереть, бесполезно. В голове это у них не укладывается. Другие умереть могут, но они-то как? Словно дети – верят, что мир существует только пока существуют они сами.

А вот боль и болезнь – понятия им знакомые. Этим я и пытался их напугать.

«А я помню. Мне мальчишки дали кусок мяса. Я его съел. А они обратно вытащили. За бечевку. Было больно, а они хохотали. Покусал одного», – неожиданно поддержал меня седоусый.

Тут уже и отец собачьего семейства припомнил, как съел старую склизкую рыбу, и потом его долго этой самой рыбой тошнило. И мать собачья припомнила, что как-то раз застрял у нее между зубами кусок кости и долго ранил десны и мешал жевать пищу.

Молодняк слушал заворуженно. Для истории про плохую еду, которая причиняет вред, были чем-то сродни страшным сказкам, которые дети людей так любят рассказывать друг другу, забившись вместе под стол или в шкаф. Чтобы было страшнее.

Выдохнув, я пошел к дому.

На завтра внушения хватит. А потом я приеду и еще собак позабалтываю. И так пока они окончательно мне не поверят.

«Анюта, пора собираться. Ночь уже почти. Лида, я завтра свободен и могу заехать днем. Вы во сколько будете?»

«А сможете меня у метро подобрать часа в четыре? Тогда вместе приедем и вот как приедем, сразу сможете собаками и заняться», – предложила ангелица. – «А я тогда смогу прикупить собакам еды побольше и сразу, чтобы на себе не тащить».

В принципе, логично. Эта хвостатая орава кушает хоро-

шо. Таскать еды нужно много. Проще довести на машине.
«Хорошо. Подвезу».

Да.

Теперь мне придется вернуться сюда. И снова. И снова.

Потому что сюда пришел человек, сеющий смерть ради своей выгоды.

И теперь в опасности и Лидины собаки, и не только Лидины.

Часть 10. Серокрылые агенты

Лида, воспользовавшись оказией, привезла целую сумку-тележку продуктов, каковые и отправилась разбирать, оставив меня наедине с собаками.

Что ж...

Пока поговорить еще кое с кем и уточнить то, что удалось узнать от сов.

Закинув голову, я издал хриплый, скрежещущий зов. Зов для тех, кого из птиц ценю больше всех за наблюдательность и рассудительность. Они могут не только увидеть, но и понять, запомнить и рассказать.

Вездесущие, серокрылые и очень, очень предприимчивые, они отозвались на мой зов довольно быстро.

«О, мужик. Мужик говорит! Говорящий мужик, ну надо же! Мужик а ты меня понимаешь или просто так за нами повторяешь?» – весело прокричала сверху самая общительная.

Сейчас, когда птенцы уже выросли, они все не против поболтать.

«Понимаю, понимаю. Прекрасно я понимаю, что ты мне говоришь», – ехидно отозвался я.

Если бы нечто подобное сказал человеку попугай или ворон, человек был бы сильно удивлен.

Вот и ворона вопила минуты три.

Потом, наконец, успокоилась и перелетела поближе ко мне.

«Че, правда-правда говорящий?»

«Ага. Говорящий. И с сардельками».

«Сардельки? Где? Дай!»

«Расскажешь то, что мне нужно, дам...»

Всего их набралось пятеро. Перебивая друг друга, галдя, уточняя, иногда вступая в споры, вороны рассказывали.

И рассказ получался очень, очень нехороший.

Сначала в товарищество приходил человек. Стучал в калитки, говорил с людьми. А если люди не открывали, заглядывал через заборы.

Дважды вороны видели, как человек перекидывал что-то через заборы домов, в которых жили собаки. Что, издали было непонятно, но собаки это съедали. Так что, наверное, еду. И после этой еды собаки сначала делались вялыми, а потом умирали.

Вороны прекрасно запоминают лица, но, увы, «человек со светлыми глазами и светлыми короткими волосами, то бритый, то небритый, с носом длинным и маленьким шрамом на лбу» – типаж такой... распространенный, что даже я, если постригусь покороче, под описание подойду. Особенно когда спросонья решу не бриться.

Зато узнать его в лицо сами вороны прекрасно способны.

На том и договорились: если увидят его, а я буду здесь, прилетят и расскажут. Если не будет меня, дождутся мое-

го приезда и расскажут уже тогда. Не бесплатно, конечно... но на то они и вороны. Но агенты никогда не работают бесплатно. А агентурная сеть, способная незаметно наблюдать с воздуха, стоит килограмма-другого вкусного мяса. Особенно учитывая склонность ворон делиться новостями друг с другом. Выслеживать отравителя будет не пять ворон. Выслеживать его будут все вороны в округе (ох, боюсь, парой килограммов благодарностей не отделаюсь потом).

«Ой, а вы тут чем занимаетесь? А мне можно тоже?» – раздался голос от двери.

Лида с большой поварешкой в руке стояла на крыльце и с детским восторгом смотрела, как вороны, обсевшие мои плечи и руки, едят угощение прямо с ладоней.

Заметила таки!

«Подходите медленно, чтобы не спугнуть. Попробую их уговорить...» – отозвался я и тут же обрадовал ворон: «Сейчас подойдет вот эта женщина и еще вкусного даст».

Чудеса дипломатии. Все счастливы. Ангелица кормит птичек. Птички кушают вкусные сардельки. А мне все равно нужно с Лидой кое что обсудить.

«Я сегодня выяснил кое что на счет отравления собак. Было не меньше трех случаев с начала сентября. Во всех трех случаях сначала по товариществу ходил некий человек славянской внешности и что-то предлагал. Потом, всегда днем, травили собаку. Потом пропадали вещи из домов дачников. Надо предупредить окрестных собаководов, а они пусть всех

своих знакомых в округе предупредят. И это проще вделать вам, пока я занимаюсь с собаками. Вот прямо сегодня и начать, скоро народ поведет собак на прогулку».

Агент Ангел кивнула, продолжая кормить серокрылых агентов.

Ну вот, вроде, все получается неплохо.

Вороны будут отслеживать отравителя. Лида распространит информацию о нем среди собаководов.

А я дождусь когда он появится в пределах досягаемости. И сделаю так, чтобы больше он никого уже не отравил.

Часть 11. Он рядом!

Лида позвонила часиков в десять.

«Стас, я взяла „больничный“, и буду присматривать за собаками, чтобы их не отравили. Вы приезжайте сегодня когда вам удобно, я весь день на участке теперь».

«А с чего вы решили что их будут прямо вот на этой неделе травить?» – уточнил я.

«Не знаю я когда он до нас дойдет. Только в „Чайке“, это рядом, я сторожа предупредила. А сторож его сегодня утром увидел, такой, как вы и говорили был. Белобрысый, наглый. Ходил по участкам спрашивал работу по мелкому ремонту, а сам через заборы заглядывал. А потом у сторожки вертелся и на пса глазел. В общем, спугнул его сторож. Вот куда он дальше пойдет? вдруг к нам?»

Эх деятельность-самодеятельность. То ли и правда сторож высмотрел вора, то ли нет... Надо будет опять с воронами поговорить. Они наверняка видели и точно скажут, того ли человека прогнал сторож.

«Опять к своей женщине пойдешь?» – лениво спросила Чука.

«Она не моя женщина!»

«Да. Только ты когда возвращаешься, все время ей пахнешь. Приведи ее уже сюда и не уходи больше!» – усмехнулась кошка.

«И собак целую стаю привести заодно?» – уточнил я.

«Собак не надо».

«Это ее собаки. Они вместе».

«Ладно, ходи к ней сам. Только потом возвращайся».

Напустив на себя обиженный вид, кошка ушла на подоконник – нюхать и слушать.

«Буду поздно. Или даже завтра. Если что, вас покормит Надя».

Надя – моя соседка, бодрая дама предпенсионного возраста. У нас с ней взаимовыгодное сотрудничество. Когда я задерживаюсь по своим делам, она кормит мой паноптикум. Когда она уезжает в отпуск, я ухаживаю за ее цветами. Всем удобно.

Прихватив рюкзак и ключи от машины, я вышел на улицу.

Охота начинается. Не знаю, чем она закончится. Но отравителя нужно остановить.

Товарищество встретило меня сонным уютом буднего дня. Это в городе в будни люди носятся как молекулы в пробирке. А здесь – благодать...

Собаки приветствовали меня бурным гвалтом, вываливая все новости одновременно. Восемь голосов, каждый вещает свое... понять невозможно совсем ничего.

«А вороны вокруг него суетились со всех сторон!» – закончил седоусый.

Вороны... вороны?

«Стоп, не галдеть. Старик, рассказывай ты!»

«А я и говорю: человек ходил, через забор смотрел, а вокруг вороны вились. Еды не предлагал. Но приходил аж три раза за день. Вот зачем он приходил? И почему вороны?»

Черт! черт, черт, черт!

Эта ангелица что, ясновидящая что ли?

Надо срочно, срочно выяснить у ворон где он.

А их... ни одной вокруг нет...

Значит, они все где-то еще.

Где?

Наверное, там, где тот, кого я ищу.

Я же им угощение обещал за слежку за ним. Вот они все и следят. Убедились, что меня тут нет, и следят.

И вот он где-то ходит. Далеко отсюда ходит. А я не знаю, где его искать.

Закинув голову, я издал зов. Еще раз. Еще...

Никто не откликнулся. Значит, не слышат.

Он где-то здесь. Неподалеку. И с ним целая туча ворон.

А я тут стою и не знаю где его искать.

Хотя...

Все же просто, очень-очень просто.

В машине есть ошейники, я привез их чтобы приучить собак ходить на поводке. Поводок тоже есть.

«Старик, мне очень, очень нужна твоя помощь!»

Пес посмотрел мне в лицо, прямо, не отводя глаза.

«Хорошо. Я понял. Найду его для тебя».

Часть 12. По следу

Зачем нужен поводок, когда ты можешь сказать псу словами, чего от него хочешь, и он тебя поймет?

Для того, чтобы успеть там и тогда, где слова – слишком долго.

Отдернуть небольшого пса за поводок проще, чем объяснять ему что происходит и чем это опасно. Гораздо проще.

Поэтому старый седоусый пес шел по следу, а я резво шагал за ним, готовый защищать своего спутника в случае опасности.

Найдем ли мы отравителя по следу? Не знаю. Но чем ближе мы к нему, тем больше шансов, что вороны услышат мой зов. Тогда все будет легко – они просто покажут мне его.

Я не думал, что буду делать при встрече. На месте решу. Главное – найти пока не отравил еще кого-нибудь.

Хорошо, что сегодня будний день. Народу мало и странный тип с собачкой на поводке, который идет, озираясь, и время от времени громко каркает, не привлекает внимания по причине отсутствия тех, кто это самое внимание мог бы на него обратить.

Мы вышли за ворота товарищества, прошли по неплохой асфальтированной дороге и свернули возле зажиточного дома, из-за забора которого на нас с интересом уставился крупный кобель немецкой овчарки.

«Странный человек, за которым летят вороны, через забор заглядывал?» – спросил я его прежде, чем пес начал нас облаивать.

«Да, был недавно, туда пошел... Аааа! Человек говорит! Все сюда, говорящий мужик! Никогда не видел!»

Был... недавно...

Мы его догоняем!

Многоголосый гвалт подхватил вопли заполошного пса.

«Где говорящий мужик? Где? Ты говорящий мужик? А ну скажи, скажи что-нибудь! Скажи, скажи!»

Мохнатые морды высовывали в щели под воротами кожистые носы, пытаюсь разглядеть меня хоть одним глазком. Истосковавшиеся за день, они были рады любой потехе, а тут такое чудо.

Собак оказалось немало. Непонятно даже, зачем отравитель отправился именно сюда – так много собак незаметно не перетравишь, люди насторожатся.

Впрочем, возможно, он идет куда-то еще, я не знаю эти места...

Мы пропетляли по тропинке между заборами, вышли к грунтовой дороге вдоль рельсов, перешли рельсы и нырнули в калитку.

Еще одно товарищество.

Я снова издал зов.

«Тута, тута, давай сюда, здесь он!» – откликнулось сразу множество голосов.

Тута-то тута... только куда идти? Звук раздаётся откуда-то слева и спереди, а дорожка товарищества уходит направо.

«Куда ты, куда? Не туда идешь!» – раздалось над головой.

Часть ворон, потеряв терпение, отправились за мной – поторопить, показать дорогу.

Только вот беда... там, где птица пролетит, человек упирается в забор.

Пришлось петлять до еще одних ворот...

За воротами была дорога и поле. Просто поле, поросшее травой, пересеченное тропинками и колеями.

И там, на другом конце поля, даже отсюда видимые, вились и кричали птицы.

Теперь можно было уже не полагаться на собачий нюх.

«Быстрее, быстрее, давай же!» – подбадривали меня вороны.

«Здесь он, здесь он, здесь!» – доносил ветер приглушенный грай с другой стороны поля.

Я двинулся по дороге через поле... и стоя на другой стороне двинулась в мою сторону.

Он шел прямо мне навстречу. Зачем? Почему?

Не знаю.

Но он прекрасно видел, где я нахожусь. Не мог не видеть – надо мною, так же, как и над ним, вились и кричали вороны.

Две стаи ворон двигались друг к другу, чтобы соединиться в одну.

А я шел навстречу тому, за кем гнался и только теперь начинал осознавать, что не знаю, что с ним делать при встрече.

Часть 13. Смерть убийце

Теперь я его видел. Ростом примерно с меня. Худощавый, но не тощий, а жилистый. С широко распахнутыми, почти безумными, глазами. И с небольшим черным пистолетом в руке.

«Вороны, вороны! Почему вороны, что им надо от меня?!» – спросил он меня хриплым голосом.

«Ты. Травил. Собак...» – выдавил я, глядя ему в глаза.

«Собаки... нахрен собак! Новых заведут... почему вороны?» – не унимался он.

А ведь он не в себе. Вороны преследуют его уже не первый час. Тут у кого угодно сдадут нервы.

А еще... зачем ему пистолет. Зачем?

«Он стрелял из этой штуки?» – спросил я ворон.

«Не попал! Не попал!» – ответил мне нестройный хор насмешливых голосов.

Стрелял, значит. По птицам...

«Ты каркаешь! Каркаешь! Это твои вороны!» – закричал он, срываясь на визг.

Отвлечь его, отвлечь разговорами и подойти вплотную, тогда смогу отнять оружие.

«Ты. Убивал. Собак».

Я продолжал идти, глядя в широко распахнутые, покрасневшие серые глаза отравителя.

«У тебя глаза, глаза, глаза зеленые!!!» – визжал он, поднимая пистолет.

Вскинуть руку я успел. Поэтому боль пронзила не лицо, а предплечье. Хлопок-боль, хлопок-боль. Несколько раз.

А потом я просто дошел и выхватил пистолет из его руки.

Он не сопротивлялся. Смотрел на меня, не пытаясь бежать.

Рука пульсировала от боли. Запястье что-то щекотало, словно травинка.

Я поднял руку.

Да.

Вся кисть в струйках крови.

Он убивал собак. Он пытался убивать ворон. Теперь он попытался убить меня.

Убийца...

«Убийца!!!» – каркнул я и ударил его пальцем в лоб, оставляя кляксу своей крови.

Сейчас не май, но вороны все поняли правильно.

«Убийца! Убийца! Убийца!» – клич заполонил небеса.

Теперь стая не кружила над отравителем, преследуя его. Птицы точно знали, что надо делать с убийцей. Куда лучше, чем я.

Он бежал, петляя, спотыкаясь, прикрывая голову руками. Птицы пикировали раз за разом, нанося удары крепкими клювами, и поднимались ввысь, уступая место собратьям, таким же разъяренным, как они сами.

Я шел следом, постепенно отставая от бегущего человека. Но это было не важно, стаю было и видно и слышно издалека.

Стая остановилась достаточно скоро. Теперь точно можно не торопиться.

Да. Уже никуда не побежит.

Вороны загнали его в прудик. В мелкий прудик с песчаными берегами. Там, раз за разом ныряя, чтобы увернуться от очередного клюва, он и стоял по грудь в воде.

Остановившись на берегу, я поднял правую, целую руку. Я ведь в ней что-то держу... что-то важное держу.

Черный, тяжелый, небольшой и опасный.

Это та штука, которая испортила мне руку.

«Убийца! Смерть убийце!» – кричало небо десятками голосов.

Да. Смерть. Смерть убийце.

Они не могут до него добраться в воде. Но я-то могу. Прямо отсюда.

Подняв пистолет, я прицелился... попытался...

Нет. Не смогу. Слишком быстро мельтешат птицы.

Значит, надо подойти вплотную и тогда...

«Стасик! Стасик, стой!»

Кто эта женщина, почему она держит меня за одежду?

Часть 14. Горячий чай

«Стасик, Стасик, не надо! Ты его убьешь, а тебя посадят.

Пусть он сам утонет!»

Он... утонет? Тут же не глубоко...

Убийца снова нырнул, уворачиваясь от клюва. И снова.

И снова.

Сколько он тут стоит в воде? Сколько вороны еще будут его мучить?

Он... утонет...

«Пойдем, у тебя кровь. И на руке кровь, и на лице кровь.

И под ногами кровь, лужа целая!» – продолжала теревить меня женщина.

Кровь... да, из меня течет кровь. И мне больно. И я устал.

Сильно устал...

«Нет, не садись. Пойдем! Я тебя дома в тепло посажу.

На теплый диван. И дам чаю, крепкого теплого сладкого чаю!»

Чай. Я хочу чай. Да. Я очень сильно хочу пить. Теплое и сладкое.

«Пойдем», – каркнул я.

Она посмотрела на меня странно. И повела. За рукав.

Я не знал, куда мы идем. Я не помнил, кто эта женщина.

Кажется, она меня знает. И она не враг. Значит, все хорошо.

«Ты сам на себя не похож, ты не в себе, давай всебяйся!» –

ГОМОНИЛ КТО-ТО У МОИХ НОГ.

Пес. Серый с седыми усами пес. Кажется, он тоже меня знает.

Почему так путаются мысли?

Я подчинился и просто пошел. Женщина меня вела куда-то, значит, знает, куда идти. Вот и хорошо.

Мы шли, и шли долго. Потому что быстро у меня идти не получалось.

А потом пришли в дом.

В доме было тепло. Она сказала правду.

Я понял, что замерз. Понял, что на улице было холодно. Только теперь понял, оказавшись в тепле.

Чай у нее был, большая кружка. Не горячего, теплого. Стояла на столе. Я схватил кружку и начал жадно пить. А когда выпил, женщина дала мне еще одну...

Кружка за кружкой – не помню, сколько я их выпил. Но мысли потихоньку перестали путаться.

Эту женщину зовут Лида. Я помогаю ей спасти стаю собак.

Это дом Лиды. Дачный дом.

Я пью чай. Лида уматывает мне руку в кокон из бинтов и ваты. Зачем такой большой кокон? Не знаю. Наверное, надо.

Я Стас. Станислав Владимирович Бересклет. И я дурак. Попер на напуганного вооруженного человека, думая заболтать его и отобрать оружие.

Это срabатывает со зверями. Их можно заболтать.
А вот с человеком не сработало. И теперь я ранен.
А он...

Он остался в пруду, откуда сможет вылезти только ночью.
Сентябрьской ночью. В мокрой насквозь одежде и с израненной головой и руками.

Если вообще выберется.

Лида...

Ангелица... вот как ее называю...

Ангелица не пыталась его спасти. Совсем.

Она спасает меня. Как может. Отпаивает чаем. Забинтовала руку (все-таки, зачем такой большой кокон?)

«Стасик, ты как?» – спросила Лида, завязывая на коконе огромный узел.

«Лучше. Мысли не путаются. Спасибо», – ответил я.

«Ко мне Сильвер прибежал. Ну, ты его зовешь Старик. Один, с поводком и без тебя. И начал кричать. Он не лаял. Он кричал почти как человек. Ну, я с ним и побежала. Поняла, что случилась беда. А там...»

А там то, что не объяснишь словами, потому что такого не бывает...

«Я позвонила Аниоте, она скоро приедет и посмотрит твою руку. А пока велела сделать ватно-марлевую повязку, чтобы кровь не шла. И еще у тебя на лице кровь, давай пластырем залепим».

Я покорно повернул голову, позволив наклепить на себя

здоровенный кусок пластыря.

Надо так надо.

Медленно подтащил к себе здоровой рукой по столу пистолет. Осмотрел.

Да уж. Я безумно везучий дурак!

Пистолет оказался спортивным. Из тех, которые стреляют шариками. Медными снаружи и стальными внутри.

Настоящий боевой пистолет пробил бы мою руку насквозь.

Из таких стреляют по мишеням. Некоторые, которых лучше бы не было, по собакам и птицам.

А бывает, используют вместо травматических – на эти, спортивные, разрешений не нужно.

«Это же его, да? Вы же не как ковбои каждый со своим пистолетом пришли?» – уточнила Лида.

«Да, его. Я у него отобрал».

«Вот просто так отобрал?»

«Подошел вплотную и из руки взял. Он боялся, поэтому отдал».

«Я бы тоже испугалась. У тебя глаза были такие... зеленые...»

«У меня всегда зеленые глаза».

«Нет. Совсем зеленые. Как в мультиках. У людей таких не бывает».

Не знаю, о чем она. Убийца тоже кричал про зеленые глаза.

«А сейчас какие?»

«Сейчас как всегда. Зеленые, но в меру».

«Спасибо... что остановила меня... и помогаешь».

Собаки, по одной, пробрались в дом и расселись вокруг нас кто на полу, а кто и на диванах. Мы их не гнали.

Так мы и будем сидеть, пока не придет Анята.

Потом, скорее всего, будет рентген. Вряд ли получится вытащить пульки без него. Надо же знать, где они находятся. Потом – много швов... А потом все будет в прошлом, и мы будем жить дальше.

Почему-то сейчас мне было хорошо. Рука пульсировала от боли. Где-то там, не так уж и далеко, стая ворон мучила человека-убийцу, не выпуская его из пруда. А мы с Лидой сидели, пили чай в компании восьми собак, и мир был невероятно уютен и прекрасен.

Часть 15. А говорил «не твоя женщина»

Анюта приехала вместе с Мишей, мужем. Осмотрела меня, диагностировала болевой шок (вот почему так мысли путались!) Посмеялась над коконом, в которую многострадальную руку мою запаковала старательная Лида. И, на Мишиной машине, повезла меня сдавать в травмпункт.

По дороге обдумали, что следует рассказать полиции – на такую травму вполне могут вызвать полицию. Не огнестрельное, конечно, но все-таки ранение, и на несоблюдение техники безопасности не спишешь.

Отредактированная версия выглядела просто и глупо: я занимался социализацией пса – приучал его ходить на поводке. Для удобства вышел в поле. В поле увидел стаю ворон и человека, который стрелял по этим воронам из пневматического пистолета. Подошел, сделал замечание. Человек открыл стрельбу по мне. Так как я находился близко, выхватил у него из руки оружие, после чего он убежал, вопя на ходу что-то бессмысленное и нечленораздельное – неадекватный, в общем, был человек.

В результате, хозяйка пса подобрала меня в состоянии болевого шока, отвела домой, напоила сладким горячим чаем, оказала первую помощь и вызвала знакомых, которые отвез-

ли меня в больницу.

Вполне складная версия, которая объясняет все. Даже состояние отравителя-вора-убийцы, если его вдруг обнаружат – живым или нет.

Анюта с Мишей довели меня до травмпункта и уехали. Лида осталась со мной. Почему-то от осознания того, что там, в приемной, меня ждет эта девушка, на душе становилось спокойнее и теплее.

Она ждала все время, пока меня расспрашивали, делали рентген, вынимали из руки застрявшие в плоти шарики, накладывали швы на руку и скобы на скулу.

Несколько часов.

Почему я раньше не ценил ее способность беззаветно заботиться о ком-то?

Я вышел через несколько часов, рука в бинтах, на лице большой пластырь. А меня ждали...

Заботливо и деятельно, словно она не была измотана бессонной ночью, Лида выяснила мой домашний адрес, вызвала такси и повезла меня домой.

Домой...

«Эммм... Лида... У меня дома живут животные... вы их не пугайтесь».

«Почему их надо бояться? Они опасные?»

«Нет. Они покалеченные. Двое выглядят страшно. Еще у одного просто лапы не хватает».

«Раз покалеченные, то не страшные, а бедные», – сухо от-

резала она.

Бедные так бедные. Надеюсь, она будет это помнить когда увидит Чуку. Некоторые визжат при первой встрече...

Руки слушались плохо, пришлось отдать ключи Лиде – она и открывала дверь.

«Ты привел свою женщину? Ой... ты ранен?»

Протиснувшись мимо Лиды, Чука, словно зрячая, бросилась ко мне. Здесь, где она знает каждую неровность линолеума, это легко.

«Бедная кошка... что с ней случилось?» – сдавленно спросила Лида, глядя как покрытая шрамами, почти везде лысая кошка с бельмами вместо глаз сноровисто карабкается вверх по одежде, а потом заботливо обнюхивает и ощупывает усами мои руки и лицо.

«Живодеры керосином облили. И подожгли», – сдержанно ответил я.

«Надеюсь, они об этом пожалели?»

«Да. Очень», – ответил я совершенно искренне.

Больше вопросов Лида задавать не стала. Выяснила где хранятся гостевые тапки, переобулась и ушла захватывать мою кухню.

Неуклюже сняв старую потрепанную ветровку, которую мне Лида выдала вместо моей простреленной и окровавленной, я пошел следом.

«А говорил „не твоя женщина“. А она уже на твоей кух-

не еду готовит. Кто же она еще?» – насмешливо протянула Чука.

Вот чего я не понимаю в этой кошке, так это ее маниакальное желание организовать мне женщину. Мы, вроде, и так все неплохо живем. Без женщин.

«Стас, где тут еда для людей, а где для остальных? Одноногая птица только что отобрала у меня курятину, это был ее завтрак?» – раздалось с кухни.

Началось. Хавчик решил покомандовать.

Вздохнув, я отправился усмирять свой паноптикум. А то ведь и впрямь запугают ее. Не своим внешним видом, так наглостью несусветной. Они все такие – пробивные и готовые бороться за жизнь даже там, где не нужно.

Часть 16. Никто не поверит

К следователю меня вызвали через два дня.

Был следователь со мной вежлив, хоть и сдержан. Сразу понятно: для него я – свидетель, а не подозреваемый.

Кратко еще раз расспросив об обстоятельствах моего ранения, и сверившись при этом с некими записями (не теми ли, которые с моих слов составили в травмпункте?), попросил посмотреть несколько фотографий и сказать, не знаком ли мне кто-нибудь из людей, изображенных на фотографии.

Узнал я отравителя сразу. Бледный, облепленный пластырями, но вполне живой и с двумя глазами. Только странными какими-то глазами. Широко распахнутыми, словно у сильно напуганного человека.

«Вот этот человек в меня и стрелял, да. И его оружие я отдал вашему сотруднику».

«Скажите, а он себя не вел как-нибудь странно?» – уточнил следователь.

«Вел», – подтвердил я. – «Открыл по мне стрельбу и кричал что-то странное про то, что у меня зеленые глаза».

Следователь посмотрел пристально в мои глаза. Ну да, зеленые...

«Этот человек сейчас находится в отделении психиатрии. Из палаты выходить отказывается. Говорит про „колдуна

с зелеными глазами“, который натравил на него ворон. Вы можете это как-то прокомментировать?» – все так же вежливо уточнил следователь.

«Ну... когда он по мне стрелял, он уже вел себя странно. Очень странно. И вороны вокруг него вились, это да. Вороны вились, а он по ним стрелял, но при мне ни одну не подбил. Это все, что мне известно».

«А эти вороны, они просто вились или нападали на него?»

«Когда мы встретились, просто вились», – честно ответил я.

«А потом?»

«А потом он убежал, а мне стало сильно не до него. Больно, плохо и мысли путаются. Поэтому что с ним дальше случилось и почему у него столько повязок на лице и голове, я не знаю».

«Он сказал, что вы обвинили его в том, что он отравлял собак и натравили на него за это ворон».

«А он отравлял собак?» – уточнил я.

«Это не относится к делу. Вы его в этом обвиняли?»

«Я знал, что в окрестностях отравили нескольких собак.

Но не знал, что это сделал он».

Следователь честно помучил меня каверзными вопросами. Что ж, работа у него такая. Убедился, что я не намерен рассказывать, почему на собачьего отравителя напали вороны и как это связано с отравлениями собак.

«Благодарю за сотрудничество», – наконец, закончил он

допрос.

«Один вопрос. Это действительно тот самый человек, который травил собак? Можно переставать бояться и следить круглосуточно за подопечными?»

«Можно. Он сознался в отравлениях собак и более чем в десятке краж. Если его признают вменяемым, отправится под суд. Если нет, то сами понимаете. В таком состоянии его никто на улицу не выпустит, да он и сам отказывается выходить».

«Спасибо!» – искренне поблагодарил я.

Что ж. Вот она, кара небесная. Сколько бы ни работали с убийцей психиатры, он-то знает, что произошло на самом деле. Он знает. Я знаю. Вороны знают. Но никто, никто из людей ему не поверит.

Телефон зазвонил так неожиданно, что я чуть не уронил его, доставая из кармана.

Лида. Ангелица...

«Стас, поговори, пожалуйста, с собаками. Они залезли в теплицу и отказываются оттуда вылезать. А мне ее надо на зиму консервировать. Они должны уйти! Включаю громкую связь, теперь они тебя слышат».

Никто, говорите, не поверит?

Часть 17. Птица уходит из клетки

Если телефон звонит в семь утра, кто это может быть?

Ну конечно же, мой личный ангел. С очередной благой вестью...

«Стасик, прости, если разбудила, у меня к тебе одна хорошая новость и две просьбы».

«Начинай с просьб», – выдохнул я.

«Так вот, новость в том, что я нашла хозяев Иржику».

Похоже кто-то меня не услышал...

Иржик. Рыжий отец собачьего семейства. Видный рослый кобелина. Команды мы с ним за прошедший месяц отработали весьма достойно. Правила поведения в доме освоили и испытание на домашнюю собаку пес прошел успешно.

Прекрасная новость. Ждем просьбу... две просьбы...

«Пожалуйста, выясняй, не сдаст ли кто-нибудь из знакомых у тебя квартиру недорого, и чтобы можно было держать там собаку».

«Сколько собак?»

«Наверное, одну. Я надеюсь остальных раздать до холодов. А Сильвера оставляю себе. Только мама против. Поэтому я от нее съезжаю... И в этом вторая просьба: у меня до зарплаты денег почти не осталось... помоги, пожалуйста, вывезти мои вещи на дачу!»

Вот так поворот. Никогда не интересовался личной жиз-

нюю Лидии Ангелицкой. А теперь придется поучаствовать.

«Ты уверена на счет Сильвера?»

«Да! Это самый надежный пес на свете, никому его не отдам!»

Надежный, согласен. И очень, очень смысленый. Я помню, что он сделал в тот самый день. Такое не забыть... Но чтобы ради него Лида решила изменить всю свою жизнь?

Ангелица, как всегда, парит в своем неведомом и непонятном мне мире...

«Я буду свободен вечером, после пяти. Тогда и созвонимся».

Да уж.

Ради собаки... ради старого пса...

Такое мог бы учудить я... собственно, и учудил когда-то... но я их слышу, могу говорить с ними и мы друг друга понимает лучше, чем люди.

Но она? Обычный «глухой» человек?

Это... неразумно, но вызывает уважение. Поэтому отказывать я не стал.

Вещей оказалось немало. В основном – книги. Несколько коробок книг. Две сумки с одеждой и обувью и один большой пакет с зимней курткой. Личных вещей явно меньше, чем книг.

Помогая выносить коробки из квартиры, я отчетливо слы-

шал сопение, вздохи и шаги в одной из комнат. Но никто не вышел попрощаться.

Что ж...

Нет у меня права лезть в чужую жизнь и чужую семью. Но в этой квартире, где множество безделушек, тщательно протертых от пыли, стоят на чистеньких салфеточках, покрывающих все горизонтальные поверхности, животным и впрямь не место. Ни животным, ни такому непредсказуемому чуду в облике человека, как сама Лида.

Много, много безделушек... и всего две сумки личных вещей у Лиды. Остальное – книги в пыльных коробках, которые, похоже, давно не открывали.

«Прости, что коробки такие пыльные. Я их только-только с антресолей вытащить успела, не протерла... это папины книги, они так там и лежали после того как папы не стало...»

«Лида, ты не представляешь, что и насколько грязное перевозилось в этой машине. Смахни пыль и тащим», – ответил я.

А что еще ответить?

Эта квартира со всеми бесчисленными салфеточками и статуэтками была похожа не на жилье, а на какой-то музей. И жить в ней было нельзя. Только присутствовать. Как посетитель в музее.

Я забирал оттуда девушку и ее вещи. А казалось мне, что забираю какую-то странную птицу из клетки, настолько тесной, что птица эта так и не научилась летать.

«Мне только до зарплаты продержаться. Обычно я половину маме отдаю, на домашние расходы и еду. Еще четверть уходит на постой коня. А если себе все деньги оставлю, мне хватит и на жизнь и на съемное жилье, думаю, ну, на самое-самое простенькое», – продолжала щебетать странная черноволосая птица Лида, накидывая ветровку поверх своего нелепого свитера.

Мне так и виделась нелепая голенастая черноголовая хохлатая птица, которая вышагивала своими голенастыми лапами, волоча за собой неуклюжие белые крылья, и пела, пела, пела... немного испуганно, но воодушевленно.

Часть 18. Человек, плохой, с кусачками

Собаки, как всегда, высыпали нам навстречу всей толпой. Все семь – Иржик пока еще был здесь, только юная Рада, дочка Иржика, отправилась к новым хозяевам на место отравленной хранильницы двора. На новом месте я ее уже навещал, с новыми хозяевами говорил и остался доволен тем, что увидел. Остальных бы так же удачно пристроить...

«Приходил человек плохой, хотел ломать забор, мы его прогнали!» – доложил старик Сильвер.

«Какой еще плохой человек?» – насторожился я.

«Он уже раньше приходил и ругался через забор и на Лиду кричал. А теперь без нее пришел и забор хотел ломать. Вот тут в углу».

Я отправился следом за псом. Озадаченная Лида – со мной.

«Вот тут ломал и даже немного сломал. Но мы его прогнали!»

Да уж. Сломал... проволока, из которой сплетена сетка-рабица, из которой сделан забор, перерезана в трех местах, свежие заостренные блестящие срезы, словно от кусачек.

«Лида... тут какой-то сосед приходил скандалить без ме-

ня?»

Девушка задумчиво посмотрела на меня... на собак...

«Да. Это Виктор. Он тут зимует, у него дом теплый. И он... немного не в себе, у него справка даже есть. Ему не нравится, что у меня так много собак и он приходит ругаться».

Приехали! Мало было отравителя с пистолетом, теперь еще какой-то сумасшедший Виктор с кусачками!

«Почему раньше не сказала?»

«Ну... он же просто ругался. Я не думала, что он что-то еще сделает. А ты... у тебя швы были, а ты все равно с собаками работал. Зачем тебя беспокоить было? И он вообще тебя боялся, когда ты приезжал не приходил».

«Понятно. Зря. Всегда рассказывай о таком. Сумасшедшие, они что угодно сделать могут!»

«Хорошо», – не стала спорить ангелица.

«И ты рассказывай если будут плохие люди ходить или Лиду обижать!» – велел я псу.

«Буду!» – пообещал старик.

Да. Этот будет. А пока...

А пока я дошел до сторожа. Позвал его и соседку Ирину, которая тоже жила здесь круглый год.

Вместе мы составили акт о попытке проникновения, сфотографировали следы взлома и следы на земле. Свидетели подписались и оставили свои данные. Сторож сильно извинялся и убеждал нас, что никто посторонний вроде в това-

рищество не приходил. Очень горячо убеждал, как человек, который сам себе не верит.

Надо будет составить заявление в полицию. Доказать, что это сделал сосед нам, конечно, не удастся – кто же поверит собакам? Но если он боится меня, значит, на самом деле он трусоват, и явление людей в форме может припугнуть его и отучить делать гадости.

Может припугнуть. А может и не припугнуть...

Если у этого Виктора и впрямь не все в порядке с головой, ждать от него можно чего угодно.

Плохо это. Плохо.

Надо будет после того, как помогу Лиде перетаскать вещи в дом, поговорить с собаками и снова напомнить им об опасностях и о том, чего ни в коем случае нельзя делать.

Вот ведь стая невезучая какая-то у нас. То эпидемия бешенства, то отравитель, то вот теперь псих с кусачками.

Поскорее бы их всех пристроить и отправить всю эту эпопею далеко на антресоли памяти!

Часть 19. Виктор делает свой ход

Оказывается, у Лидинога СНТ есть свой участковый.

Человек немолодой, усталый даже на вид.

Пришел, что удачно, когда я занимался собаками.

Представился, поздоровался, предъявил документы.

«Тут на вас заявление подали...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.